

A historical black and white photograph of a large crowd of people, likely soldiers and civilians, in a city street. Many are wearing winter coats and hats. In the foreground, several men in military uniforms are visible, some holding rifles. A banner is partially visible on the left side of the image.

Д. ДЕГТЕВ, Д. ЗУБОВ

1917

РУССКАЯ ГОЛГОФА

агония империи и истоки революции

Дмитрий Дёгтев

**1917: русская голгофа. Агония
империи и истоки революции**

«Центрполиграф»

2017

УДК 94(47).083
ББК 66.3(2Рос)6

Дёгтев Д. М.

1917: русская голгофа. Агония империи и истоки революции /
Д. М. Дёгтев — «Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07562-8

В представленной книге крушение Российской империи и ее последнего царя впервые показано не с точки зрения политиков, писателей, революционеров, дипломатов, генералов и других образованных людей, которых в стране было меньшинство, а через призму народного, обывательского восприятия. На основе многочисленных архивных документов, журналистских материалов, хроник судебных процессов, воспоминаний, писем, газетной хроники и других источников в работе приведен анализ революции как явления, выросшего из самого мировосприятия российского общества и выразившего его истинные побудительные мотивы. Кроме того, авторы книги дают свой ответ на несколько важнейших вопросов. В частности, когда поезд российской истории перешел на революционные рельсы? Правда ли, что в период между войнами Россия богатела и процветала? Почему единение царя с народом в августе 1914 года так быстро сменилось лютой ненавистью народа к монархии? Какую роль в революции сыграла водка? Могла ли страна в 1917 году продолжать войну? Какова была истинная роль большевиков и почему к власти в итоге пришли не депутаты, фактически свергнувшие царя, не военные, не олигархи, а именно революционеры (что в действительности случается очень редко)? Существовала ли реальная альтернатива революции в сознании общества? И когда, собственно, в России началась Гражданская война?

УДК 94(47).083
ББК 66.3(2Рос)6

ISBN 978-5-227-07562-8

© Дёгтев Д. М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Предисловие	7
Пролог	9
«Тесто на огромной сковородке»	9
«Явилось нищенское, пьяное население»	12
Одни в дамках, другие – в дураках	15
«Еврейский вопрос» рассмотрен	17
Иешуа-бумеранг	20
Глава 1	23
«Бессмысленные мечтания»	23
«Медный наездник»	27
«Местное общество содействовало беспорядкам»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дмитрий Дёгтев, Дмитрий Зубов

1917: русская голгофа. Агония империи и истоки революции

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав.

Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

© Дегтев Д.М., Зубов Д.В., 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *

Предисловие

В 2017 году исполняется 100 лет событиям, которые коренным образом изменили не только Россию, но и весь мир и последствия которых мы ощущаем по сей день. Огромная империя, Третий Рим, столетиями выстраивавшаяся по кирпичику сначала московскими князьями, потом царями и, наконец, императорами, а также русской армией и многострадальным и многонациональным народом, в одночасье прекратила свое существование. А гигантская государственная машина, перед которой трепетали в равной степени и другие народы, и сами жители страны, неожиданно для всех потерпела крушение и рассыпалась на мелкие кусочки, словно взорвавшийся паровоз. И несмотря на то что крах Российской империи по времени совпал с распадом других великих держав: Австро-Венгрии, Османской империи, китайской империи Цин, именно это событие в общественном сознании оставило след, по своим масштабам и последствиям схожий с падением Римской империи или Византии. Причем не столько из-за самого краха, сколько по причине того, что на обломках рухнувшей древней державы зародилось совершенно новое, невиданное доселе явление мирового масштаба – коммунизм.

Этот судьбоносный поворот истории с самого начала вызывал страстный интерес у историков, писателей, политиков, публицистов и просто интересующихся историей. Писали царские чиновники-эмигранты, писали западные журналисты и историки, писал Уинстон Черчилль, писали новоиспеченные советские историки и историки партии, писали Ленин и Сталин. Писали и писали. Одни писали ангажированно, другие объективно, третьи субъективно. И все же, как справедливо отметил в недавней статье в журнале «Огонек» известный публицист Леонид Млечин, *«и сегодня историки не могут сказать: да, мы ясно понимаем, как это произошло в 17-м году, нам все ясно, мы разобрались...»*. Масштабность, противоречивость и бесконечная разветвленность темы нередко заводила исследователей в тупик. Как логический, так и количественный. Пример тому – огромный труд Солженицына «Красное колесо», состоящий из десяти толстенных томов! Но даже Александр Исаевич так и не смог четко ответить на вопрос «почему?». А позднее и вовсе пытался свалить вину за революцию на евреев...

Стремление найти всему простое и лаконичное объяснение вполне естественно как для человеческой природы, так и для историка. Ведь их так и учили в вузах – любое исследование должно определять цели и задачи, а потом отчет об их выполнении. Когда историки еще и ангажированы современной им конъюнктурой и «модой», объяснения становятся еще проще, доходя до откровенного упрощения.

В отечественной историографии можно выделить несколько явно отличающихся этапов в освещении событий 1917 года. В 20–30-х годах пришедшие к власти большевики начали сочинять свою версию событий. Во-первых, общество развивается путем последовательной смены «общественно-экономических формаций», а на определенном этапе происходит закономерный переход от капитализма к социализму. В момент, когда «низы не могут жить по-старому, а верхи не могут править по-старому», и происходит социалистическая революция. Во-вторых, этому объективному процессу способствует субъективный: появляются коммунисты, которые объединяют пролетариат, ставят под знамена и берут власть.

Ну а по ту сторону границы многочисленные эмигранты придумывали свою концепцию развития событий, причем в двух типовых вариантах. Первый: царя оболгали, Россия прекрасно развивалась, успешно воевала, но внутренние «черви» предали ее и в решающий момент опрокинули. Им вторил и Черчилль: «Держа победу уже в руках, она (Россия) пала на землю, заживо, как древле Ирод, пожираемая червями». Второй: царя свергли правильно, все дело шло к победе и Учредительному собранию и демократии, но откуда-то вылезли большевики и всё испортили.

Потом эмигранты поумирали, а советская власть еще долго оттачивала и совершенствовала свою модель истории, перекрашивая картины с революционными событиями и стирая с них ненужных лиц.

Шлюзы истории вновь открылись в конце 80-х годов. Теперь и сам Ленин оказался не в моде, в стране снова нарисовалась демократия, поэтому историки вновь вспомнили про Учредительное собрание и «республику» Керенского. Февральскую революцию стали возвышать, а Октябрьскую низводить до статуса «предательского» переворота, совершенного «немецкими агентами». В действительности это было лишь воскрешение обозначенной выше второй эмигрантской версии.

Ну а в 2000-х годах, и особенно в канун 100-летия начала Первой мировой войны, вспомнили и про первую версию! Началось всевозможное обеление и возвеличивание царя, возродилась вера в «процветание» и «мощь» России в начале 1910-х годов, а также «выяснилось», что всему виной шпионы и авантюристы, «предавшие» страну в ее звездный час. И если ранее среди заинтересованных в ослаблении царизма сторон фигурировала Германия, то теперь к ним присоединились США и другие страны Антанты. Ну а позорно проигранная война, бессмысленность и роковую роль которой признавали даже большевики, вдруг оказалась «недовыигранной» и превратилась в «упущенную победу». Кстати, теория про «нож в спину» от революционеров и предателей далеко не оригинальна, она была подробно изложена еще в книге Адольфа Гитлера «Майн кампф», только применительно к судьбе кайзеровской Германии. Как тут не вспомнить, что Россия страна с непредсказуемым прошлым!

Данный труд не претендует на очередное «сенсационное» объяснение событий. И вместе с тем позволяет легко развенчать многочисленные мифы и стереотипы, сложившиеся за прошедшее столетие. В представленной книге впервые предложена наиболее полная хронология революционных событий, которые начались задолго до 1917 года. А крушение Российской империи и ее последнего царя впервые показано не с точки зрения политиков, писателей, революционеров, дипломатов, генералов и других образованных людей, которых в стране было меньшинство, а через призму народного, обывательского восприятия. На основе многочисленных архивных документов, материалов журналистских расследований и эссе, хроник судебных процессов, воспоминаний, писем, газетной хроники и других источников, которые автор изучал в течение нескольких лет, в работе приведен анализ революции как явления, выросшего из самого мировосприятия российского общества и выразившего его истинные побудительные мотивы.

Кроме того, книга отвечает на несколько важнейших вопросов. В частности, когда поезд российской истории перешел на революционные рельсы? Действительно ли революция 1905 года была буржуазно-демократической? Правда ли, что в период между войнами Россия богата и процветала? Почему единение царя с народом в августе 1914 года так быстро сменилось лютой ненавистью народа к монархии? Какую роль в революции сыграла водка? Могла ли страна в 1917 году продолжать войну? Какова была истинная роль большевиков и почему к власти в итоге пришли не депутаты, фактически свергнувшие царя, не военные, не олигархи, не политики, а именно революционеры (что в действительности случается очень редко)? Существовала ли реальная альтернатива революции в сознании общества? И когда, собственно, в России началась гражданская война?

По всем интересующим вопросам с авторами можно связаться по электронному адресу: fau109@rambler.ru

Пролог

Как Александр III заложил фундамент русской революции

«Тесто на огромной сковородке»

В конце XIX века Россия представляла собой огромную империю, которая на западе вплотную примыкала к экономически и политически развитым странам Европы, на юге граничила с разноплеменным и «делом тонким» Востоком, а на востоке упиралась в безнадежно застрявшие в Средневековье дикие восточноазиатские страны. Сама страна тоже представляла собой невероятное лоскутное одеяло, под которым уместались и автономная культурно развитая Финляндия, и полное злобы и внутренних противоречий Царство Польское, и населенный горами Кавказ, и Поволжье с его развитыми городами и неразвитыми финно-угорскими народами, и дикая, бескрайняя степная Азия, и бесконечная необжитая Сибирь, и многое другое. Ну и конечно же вполне европеизированные (одна в большей степени, другая в меньшей) обе столицы империи.

«Где в России центр? – задавался вопросом публицист и журналист Дедлов. – На Западе, в Европе, их указать легко; там государства свернулись небольшими, круглыми, плотными комками. Все лишнее, все ослабляющее плотность государства выделено и вывезено за границу, за моря, в колонии. У нас не то. История пекла наше царство не в «форме», а вылила тесто на огромную сковородку, на которой мы и разлились блином, без определенных очертаний и без центра, который может быть точно указан. Где наша метрополия, где наши колонии? Где область господствующего племени и где живут подчиненные народности? Никакая этнография не даст на это точного ответа. В Рязани и Нижнем найдутся татары, в Вятке русский народ живет только по рекам, в Тамбове и Пензе обширные деревни неассимилированной мордвы, в Симбирске процветают чуваш, Белоруссия и Малоруссия напигованы частью поляками и в сильной степени евреями, наш юг – мозаика национальностей и племен. Господствующее племя скорее колонист, чем абориген, Россия скорее совокупность колоний, чем метрополия»¹.

При этом сказать, что Россия была страной контрастов, – это не сказать ничего! Даже в деревнях выделялись добротные избы работающих крестьян и покосившиеся халупы пьяниц и бедняков. Любой даже мелкий провинциальный город состоял из небольшого культурного и относительно благополучного центра и множества приросших к нему бедняцких окраин. Ну а в масштабах страны уровень контрастности был вообще запредельным. В то время как в одних местах уже было электрическое освещение, водопровод и даже телефон, в других еще не слышали, что такое канализация и электроэнергия. В то время как одни разъезжали на трамваях и даже автомобилях, миллионы других не видели ничего современного лошади и верблюда.

Бюджет страны, который к концу XIX столетия перевалил за миллиард рублей, формировался в основном за счет косвенных налогов. Эта тенденция, кстати, во многом сохранилась и во время советской власти и даже в современной России. Прямые налоги составляли всего 10 % от доходной сметы, а косвенные – 50 %. Покупая любые товары, оплачивая услуги, и в особенности затариваясь водкой, народ, зачастую сам того не подозревая, львиную долю стоимости отдавал не производителю товаров и благ, а государству. Типичный пример – акцизы на спирт-

¹ Книжки недели. СПб. 1896. № 8. С. 65.

ное, составлявшие половину косвенных налогов. Около 8 % доходов бюджета составляли пресловутые выкупные платежи, фактически земельная ипотека, которую крестьяне выплачивали за полученную еще в 1861 году землю. Примерно 15 % давали казенные имущества (железные дороги, леса), остальное приходилось на всевозможные гербовые и почтовые сборы. Таким образом, промышленность, крупный бизнес, экспорт приносили лишь малую часть доходов.

Для России было характерно огромное количество казенных предприятий и имущества. Если в западных странах дорогие военные заказы разыгрывались между частными компаниями, которые потом платили еще и налог со своих прибылей, у нас большая часть государственных нужд осуществлялась государственными же учреждениями и фабриками. Которые не приносили никакого дохода, а, напротив, требовали постоянных дотаций.

Несмотря на постоянный рост численности городского населения, говорить об урбанизации и формировании индустриального общества не приходилось. Свыше 80 % населения жило в деревнях, поэтому среднестатистический россиянин до сих пор являлся малограмотным крестьянином. При этом культурная прослойка общества, так называемая интеллигенция, люди умственного труда, а также квалифицированные рабочие составляли ничтожное количество в сравнении с огромной деревенской массой. Пусть она и не была сплошь безграмотной и темной, как ее изображали в советские годы, все же однозначно можно сказать, что Российская империя к концу XIX столетия оставалась отсталой, доиндустриальной страной с многочисленными средневековыми пережитками.

Политическая система полностью соответствовала общей отсталости. После первой попытки революции, произошедшей в 1825 году, царская власть жила в постоянном страхе. Все императоры от Николая I до Александра III вынуждены были метаться меж двух огней – ощущаемой необходимостью реформ явно отсталого общества и опасностью революции. Политическая и придворная элита так же традиционно делилась на «либералов» и «консерваторов». Одни сетовали на вековую отсталость и выступали за реформы, вторые указывали на «незыблемые традиции» и выступали за «порядок» и сдерживание. При этом революционные выступления тоже толковались по-разному. Либералы видели в них признак того, что реформы назрели, консерваторы, напротив, доказательство того, что любые реформы опасны.

Цари же, как маятники, лавировали между двумя течениями, в итоге получалось, как водится, ни то ни сё. Даже реформы Александра II, которые казались «великими» только на фоне векового прозябания и топтания на месте, по сути, тоже представляли собой лишь компромисс в духе «шаг вперед – два назад» или наоборот. Та же «передовая» военная реформа фактически превратила военную службу в некий симбиоз рекрутских наборов и всеобщей повинности.

А вот судебная реформа 1864 года, наоборот, представляла собой другую крайность. Как писал историк Сергей Ольденбург, *«русский суд, основанный на судебных уставах 1864 г., стоял с того времени на большой высоте, «гоголевские типы» в судебном мире отошли в области преданий. Бережное отношение к подсудимым, широчайшее обеспечение прав защиты, отборный состав судей – все это составляло предмет справедливой гордости русских людей и соответствовало настроениям общества»*². При этом для политических чаще всего применялась административная ссылка, для тех, кто поопаснее, – в Сибирь, для менее опасных – в «места не столь отдаленные» – в северные губернии³.

Однако на деле излишняя либерализация суда и применение суда присяжных в отсталом и малокультурном обществе привели к тому, что многие преступники, в том числе жестокие убийцы, стали вовсе избегать наказания! Главным мерилom права в России стал не собственно

² Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. I. Белград, 1939. С. 24–25.

³ Выражение «места не столь отдаленные» пошло именно от этого. Имелось в виду – не такие далекие, как Сибирь.

закон, а мнение, а состав преступления заменили эмоции. Примеры идиотского дореволюционного правосудия будут приведены ниже...

Что касается реформы местного самоуправления, то созданные органы (земства, городские думы и управы) стали лишь некими междусобойчиками сельских и городских элит с узкими полномочиями и ни в коей мере не являвшимися по-настоящему представительными органами власти.

Но наиболее дурно были проведены реформы аграрные, которые не только не смогли модернизировать сельское хозяйство, но в итоге вообще привели к его упадку и деградации. Отмена крепостного права подорвала частное землевладение, фактически вернув в деревню средневековую общину. Как справедливо выразился тот же Ольденбург, *«общинное землевладение, препятствуя обезземеливанию слабых элементов деревни, в то же время тормозило сильные, предприимчивые элементы, получалось равнение по худшим»*. В результате эффективность сельского производства зависела не столько от производительности труда, сколько от урожайности, то есть от природы и погоды. В благодатные годы хлеба в стране было хоть завалялись, в голодные, наоборот, тысячи крестьян умирали с голоду, а казне приходилось выделять колоссальные средства на помощь крестьянам. Кроме того, государство еще и ставило всяческие препоны, например в виде огромных пошлин на недорогую импортную сельхозтехнику, дополнительно тормозя развитие аграрного бизнеса. Ну а выкупные платежи, легшие тяжким бременем на несколько поколений сельхозпроизводителей, и вовсе стали непосильным гнетом и кабалой.

«Явилось нищенское, пьяное население»

«А знаешь ты, какая жизнь была под крыльями двуглавого орла?» – пела в одной из песен Любовь Успенская. В действительности жизнь была такая же, как и всегда. Так уж устроена Россия, что в ней постоянно с кем-то борются и что-то реформируют. На смену либералам приходят «твердые руки» и крепкие хозяйственники, потом наоборот – и снова следуют реформы. Но сущность российской действительности при этом не меняется...

Восьмидесятые годы XIX столетия стали очередной эпохой закручивания гаек. Бурное и насыщенное событиями правление Александра II, завершившееся убийством одного террористами, сменилось унылой стабильностью Александра III. Новый царь решил буквально выполнять совет обер-прокурора Синода Константина Победоносцева: *«Не следует приступать к таким мерам, которые уменьшают авторитет власти, позволять обществу рассуждать о таких вещах, о которых до настоящего времени оно не имело права говорить»*. А 6 мая 1881 года новый министр внутренних дел граф Николай Игнатьев издал циркуляр начальникам губерний, в котором, в частности, говорилось: *«Верховная Власть измерила громадность зла, от которого страдает наше Отечество, и решила приступить к искоренению его»*. Граф Дмитрий Толстой, вскоре сменивший Игнатьева, также считал, что до либеральных реформ Александра II в России все было хорошо и мирно, а теперь, дескать, нам *«явилось разоренное, нищенское, пьяное, недовольное население крестьян, разоренное, недовольное дворянство, суды, которые постоянно вредят полиции, 600 говорилен земских, оппозиционных правительству»*.

Так и началась эпоха, которую потом назовут «контрреформами Александра III». Суть их в основном свелась к тому, что народу попросту запретили говорить и думать о политике. Не только критика, но и вообще какое-либо упоминание о деятельности государственных органов строго воспрещалось. Особенно хорошо это видно по страницам газет тех лет. Пресса времен Александра III была на редкость скучна, суха и лаконична. Лучше всего газеты было читать перед отходом ко сну. В них не печатали ни про скандалы, ни про коррупцию, даже простые криминальные сводки попали под запрет. Народу должно было казаться, что все в стране хорошо, тихо и спокойно. Все работают, молятся и никого не убивают. Такого не было потом даже при Сталине! Тогда газеты не имели права только критиковать политику партии и правительства, а также советский строй, все остальное отдавалось на откуп журналистам.

Все в стране подлежало строгой бюрократизации и вездесущему административному контролю. Даже праздники, которые следовало отмечать, строго регламентировались. В апреле 1883 года СМИ опубликовали высочайше утвержденный список праздничных дней. Все они носили церковно-монархический характер. 1 января следовало отмечать Обрезание Господне, 6 января – Богоявление, 2 февраля – Сретение, а 26 февраля – день рождения государя императора. Мартовские праздники включали в себя день восшествия на престол государя императора, Вознесение Господне, день священного коронования их императорских величеств и Сошествие Святого Духа. С апреля до осени праздничных дней не предусматривалось, ибо в это время народ должен был трудиться и еще раз трудиться, как говорил великий самодержец. Только 29 июня выделялся один день на поминание святых апостолов Петра и Павла, а 14 сентября отмечалось Воздвижение святого животворящего креста. 1 октября гражданам следовало отмечать Покров Пресвятой Богородицы, а 22 октября праздник Казанской Божьей Матери. Далее следовали: 14 ноября – день рождения государыни императрицы, 21 ноября – Введение во храм Пресвятой Богородицы, 6 декабря – День святого Николая Чудотворца и, наконец, 26 декабря – Рождество Христово.

Список дополнялся всевозможными местечковыми датами. Так, специально для Нижнего Новгорода были учреждены еще два местных праздничных дня: 4 февраля – День свя-

того благоверного князя и великомученика Георгия (основателя города князя Юрия Всеволодовича) и 1 ноября – День святых Космы и Дамиана. Имели в виду Кузьму Минина и Дмитрия Пожарского. Одним словом, молиться и еще раз молиться. За Христа, святых и государя императора.

Между тем дела в стране обстояли не очень благополучно. Иначе нельзя объяснить тот факт, что местные органы власти распродавали на торгах вещи умерших в больницах людей! Так, в одном из номеров газеты нижегородское губернское земство разместило объявление: *«26 апреля сего года назначен торг на продажу имущества, оставшегося после умерших в больнице с 1 января 1882 года по 1 января 1883 года разных лиц, за получением которого родственники тех умерших не являются»*. Можно только гадать, сколько бесхозных вещей осталось на больничном складе за год. И что это были за вещицы такие. Вряд ли больные ложились в больницу с серебряными ложками и сервизами и приносили с собой дорогие шубы и украшения. Скорее всего, основную долю указанного «имущества» составляли банальные поношенные тряпки и обувь.

«Вещи дезинфицированы, – уточняла пресса. – Торг будет производиться в присутствии конторы заведений вышеуказанного числа, в 10 часов утра, почему желающие торговаться приглашаются в контору, где могут видеть имущество и опись к нему».

Не все хорошо было и с патриотизмом. Как известно, во время царствования Александра II в Российской империи была введена всеобщая воинская повинность. 1 января 1874 года был принят закон, который заменил существовавшую больше полутора веков систему рекрутских наборов всеобщей воинской повинностью. Если раньше в армии служили только податные сословия (крестьяне, рабочие и ремесленники), то теперь долг родине отдавало всё мужское население империи с 20 лет, без различия сословий.

Однако это вовсе не значит, что в армии в конце XIX – начале XX века служили все поголовно, как многие нынче уверены. Дело в том, что та же военная реформа 1874 года значительно сократила численность вооруженных сил, сразу на 40 %. Поэтому мужиков, достигших 20 лет, в стране было намного больше, чем требовалось для призыва. И зачислялись на действительную службу лишь 25–30 % от их числа: к примеру, в том же 1874 году из 725 тысяч человек, подлежавших призыву, были призваны только 150 тысяч, в 1880 году из 809 тысяч – 212 тысяч, а в 1900 году из 1150 тысяч – 315 тысяч. Остальные призывники освобождались от службы, кто по состоянию здоровья, а кто – зачастую – и просто по жребии! Существовали также всевозможные льготы: единственный сын у родителей, единственный кормилец в семье при малолетних братьях и сестрах и т. п. Срок службы для солдат сухопутных войск составлял 6 лет, а для матросов – 7 лет. Но и тут всеобщего равенства не предвиделось. Так, лица, имевшие высшее образование, служили всего 6 месяцев, окончившие гимназию – полтора года, а начальную школу – 4 года. То есть самые долгие 6–7 лет «мотали» только неграмотные – крестьяне, кои составляли тогда абсолютное большинство (80 %) призывников.

Военкоматов в те времена не было, а заботы по призыву новобранцев лежали на уездных по воинской повинности присутствиях и волостных правлениях. Однако призывные органы 130 лет назад, как и в нынешние времена, сталкивались с большими проблемами. Многие достигшие 21-летнего возраста граждане, дабы избежать отправки в армию, попросту скрывались и ударялись в бег. Причем, что интересно, «косили» по большей части дети не из бедных крестьянских, а вполне обеспеченных семей, в том числе чиновников, госслужащих и военных.

В газетах чуть ли не в каждом номере печатались объявления о розыске уклонистов. *«Балахнинское уездное по воинской повинности присутствие объявляет, во всеобщее сведение, что в оное препровождены метрические выписки священно- и церковнослужителями приходов на родившихся в 1862 году следующих лиц – гр. Балахны Вознесенского собора: сына рядового полицейской команды Николая Логинова, Ивана, – отставного унтер-офицера Петра Иванова, Семена, – денщика командира балахнинской инвалидной команды, штабс-капитана Кривобо-*

кова-Кривобольского Егора Осипова, Василия, – мещанской девицы гор. Балахны Александры Яковлевой-Пастушковой, Михаила, – подлежащих исполнению воинской обязанности в текущем году, но установленным порядком ни к одному из призывных участков Балахнинского уезда не приписанных и где проживающих, неизвестно. Вследствие сего уездное присутствие просит полицейские учреждения и частных лиц, в случае открытия места жительства означенных призываемых, сообщить об этом по принадлежности, для привлечения их к исполнению воинской повинности», – говорилось в одном из таких сообщений.

Впрочем, отнюдь не все крестьяне тоже рвались послужить родине и царю. К примеру, несколько лет скрывался от призыва житель деревни Молчаново Сергачского уезда Нижегородской губернии Василий Батанов. Этот несознательный гражданин несколько раз переезжал с места на место и даже сменил фамилию на Бурмистров. Четыре года полиция и земские органы пытались разыскать уклониста, но в итоге следы его затерялись где-то в Казанской губернии... В том же уезде, но в селе Абаимово крестьянин Степан Сковородин несколько дней «отмечал» грядущую отправку в армию. Все селяне сочувствовали будущему солдату. Все-таки 6 лет отлучки от семьи и друзей. Хотя никаких войн в царствование Александра III не велось, все же служба, понятное дело, не приносила особого удовольствия. Поэтому все щедро поили Сковородина водкой и утешали. Однако аккурат в день призыва гражданин, видимо, передумал отдавать «священный долг», вследствие чего бесследно исчез...

Одни в дамках, другие – в дураках

Воинская повинность создавала еще одну серьезную проблему. Дело в том, что до 20 лет многие крестьяне уже успевали жениться, вследствие чего супруга на долгое время оставалась без мужика. Фраза «не дождалась из армии» остается актуальной по сей день, хотя сейчас срок службы составляет всего 1 год. А каково было бабе, когда милого нужно было терпеливо ждать шесть, а то и семь лет! В то же время вокруг полно других мужиков, которые волей жребия избежали призыва. В общем, благодаря закону 1874 года одни оказывались в дураках, а другие, наоборот, в дамках. Точнее, при дамах...

Пока первые отдавали долг родине, вторые зачастую развлекались с их женами и даже уводили их к себе в дома. Ну а когда законные мужья возвращались, начиналось выяснение отношений, очень часто приводившее к дракам, сжиганию домов, убийствам и другим инцидентам.

Типичный случай такого рода имел место в обычном селе Иванцово. После военной службы туда вернулся уволенный в запас местный крестьянин Евдоким Бухтеев. О своем скором прибытии он заранее уведомил родню в письме. Как-никак, должны были соскучиться за шесть лет разлуки. Возвращение крестьянина из армии, да еще и целым и невредимым, было принято отмечать всей деревней. К тому же перед уходом на службу Евдоким женился на своей возлюбленной Пелагее, коя, естественно, обещала терпеливо ждать его все эти годы... Однако вместо толпы радостных родственников на дороге, ведущей в деревню, запасника встречал только его тесть – крестьянин Николай Куманеев. Который сообщил Евдокиму безрадостное известие. Мол, супруга его уже давно вошла в любовную связь с крестьянином Николаем Серякиным, к коему и переехала на постоянное местожительство.

Поубивался, погоревал Евдоким да пошел к себе домой. Ему бы плюнуть да найти другую жену, ан нет! Несколько дней брошенный муж просидел в тоске, а потом все-таки решил идти возвращать «благоверную». В состав делегации также вошли тесть и два соседа Бухтеева – братья Глозовы. Надо отметить, что такой «формат» не являлся изобретением Бухтеева. Напротив, к концу XIX столетия в нижегородских деревнях уже сложилась традиция возвращения жен законным мужьям. Дабы соперники сразу не покалечили и не поубивали друг друга, в делегацию всегда включались тесть или иной родственник жены, а также несколько «понятых» из числа односельчан.

Когда указанные граждане подошли к дому Серякина, того на месте не оказалось, а к калитке вышла сама Пелагея. Пришедшие стали уговаривать ее вернуться к мужу. Мол, погуляла, погрешила – и будет, пора восстановить справедливость. Венчались же перед Богом! Та в ответ заявила, что в принципе не против, только боится сожителя, который угрожал убить ее, если она вернется к мужу. В итоге «переговоры» растянулись на целых полдня. Решающую роль сыграли слова тестя, то есть отца Пелагеи, который заявил, что проклянет дочь и отрежется от нее, если та не смоет свой грех возвращением к законному супругу. В общем, как пел в одной из песен известный шансонье Михаил Круг, «поломалась для виду девица» и согласилась. После чего пошла собирать вещи, а делегацию на это время впустила подождать во двор. Ну а потом разыгралась настоящая драма. *«В этот момент неожиданно появился Серякин, – рассказывали материалы дела. – Узнавши, с какой целью пришел Бухтеев, начал кричать на всех и грозить убийством. Наконец, быстро сбегавши в избу, он вернулся оттуда с револьвером в руках и, прицелившись в Бухтеева, произвел в него три выстрела. К счастью, пули пролетели мимо и только одна из них ранила в правое бедро стоявшего около Бухтеева Куманеева».* В итоге раненый тесть был отправлен в больницу, а Серякин в полицию. Ну а Пелагея вернулась к мужу, который, несмотря ни на что, простил ее. Жили ли супруги потом долго и счастливо, история умалчивает.

Александр III «прославился» также тем, что насильно выдавал кредиты крестьянам. Следует напомнить, что после отмены крепостного права в 1861 году им предоставлялось право выкупить у помещиков свои наделы, при необходимости взяв для этого ссуду в банке. Однако прошло уж 20 лет, а многие даже не подумали это делать, на полжизни оставшись в статусе «временнообязанных». В итоге государь решил: раз не хотите выкупать добровольно, примем закон и заставим сделать это принудительно. Проще простого! Сами выкупные платежи были снижены, выкуп наделов сделан обязательным, попутно был учрежден Крестьянский поземельный банк для выдачи кредитов. Сообщения об «обязательных» выкупных сделках также печатали в газетах: *«Акт об обязательном выкупе бывшими временнообязанными вдове коллежского советника Елене Ивановне Мотовиловой, крестьянами Ардатовского уезда, дер. Дурновки, Репьевки тож, отведенной по уставной грамоте земли в следующем количестве: усадьбы 30 десятин, 1200 соток, выгону и под прудами 10 десятин, 600 соток, пашни 281 десятина, 2200 соток, сен ного покосу 20 десятин, 800 соток, итого удобной 343 десятины и неудобной 13 десятин»*. Эдакая принудительная земельная ипотека. Хочешь не хочешь, а влезай в долги...

Эпоха «миротворца» ознаменовалась не только пресловутыми «контрреформами», но и своеобразной национальной политикой. Лозунгом времени стала фраза «самодержавие – православие – народность». Под последней при этом понималась опора на «коренные народы» России, к которым относили довольно много национальностей. Исключение составляли в основном евреи. «Православие», по мнению обер-прокурора Синода Константина Победоносцева, означало отказ от мирного сосуществования с другими религиями, «враждебными» православию. Главным врагом, естественно, тоже признали иудаизм...

«Еврейский вопрос» рассмотрен

В общем, нашли на кого свалить причины накопившихся проблем. Ну а дальше, как водится, на евреев сразу же нашелся позорный компромат. В 1881 году в СМИ были опубликованы факты деятельности компании «Грегер, Горвиц, Коген и Варшавский», которая занималась снабжением русской армии во время войны 1877–1878 годов. «Еврейское предприятие» было обвинено в коррупции и всевозможных злоупотреблениях. Одним словом, наживались на войне мерзавцы! Вскоре по приказу царя в ответ на «справедливое» негодование общественности был создан «Центральный комитет для рассмотрения еврейского вопроса», который занялся им, как говорится, по полной программе. В решениях комитета говорилось, что нужно вернуться к традиционной русской политике, согласно которой евреи считаются инородцами. В 1882 году были введены так называемые «временные правила» для еврейского населения России. Последнему отныне запрещалось вновь селиться в сельской местности, приобретать недвижимость за пределами районов проживания, арендовать земельные угодья и переезжать из одной деревни в другую.

Впоследствии «правила» неоднократно дополнялись новыми ограничениями. Так, тот же Победоносцев считал, что евреям незачем учиться. Дескать, университеты существуют на налоги населения, а евреи составляют лишь 5 %, и будет несправедливо, если при их «генетической склонности» к наукам они займут 95 % мест в университетах вместо русской молодежи, более «ленивой» и «тупой» в этом отношении. В связи с этим были введены квоты для приема евреев в вузы, составлявшие, к примеру, в столице всего 3 %. Прием евреев на государственную службу был прекращен, а в армии они больше не допускались к производству в офицеры.

Затем начались массовые выселения евреев из крупных городов. Только из Москвы по приказу генерал-губернатора – великого князя Алексея Александровича – было изгнано около 20 тысяч человек. Многие евреи, прожившие в городе 30–40 лет, внезапно получали уведомления о выселении в месячный срок. Тех, кто отказывался уезжать добровольно, попросту гнали по этапу пешком, как заключенных и бродяг. Высвободившиеся еврейские дома по дешевке распродавали с молотка.

Общество в целом приветствовало эти события. В первую очередь евреев ненавидели за их проникновение в культуру, науку, торговлю, где они успешно конкурировали с «коренными народами». Евреев-ювелиров, ремесленников и ростовщиков не любили за их богатство и «жадность». Да и вообще, евреи, как правило, были «при деньгах». Что само по себе вызывало негодование трудящихся.

В общем, власть угадала с тем, куда направить энергию нищего и недовольного народа. «Скажите, а погромы будут?» – такая фраза, ставшая крылатой, была произнесена одним из героев в последней советской комедии «Дежавю», вышедшей на экраны в 1989 году. Именно таким вопросом в начале 80-х годов XIX века, вероятно, задавались многие россияне. Ибо все к тому и шло. И погромы были. В 1881–1883 годах они охватили весь юг страны. В Киеве было разрушено и разграблено более тысячи еврейских домов и магазинов, беспорядки сопровождались избиениями и убийствами. Затем были погромы в Одессе, Жмеринке, Борисполе, Ростове-на-Дону, Екатеринославе и других местах.

Славный город Нижний Новгород вроде бы находится не на юге и общем-то не являлся каким-то там густонаселенным евреями городом, как, к примеру, Одесса. Здесь жило лишь чуть больше тысячи иудеев. Тем не менее местные жители тоже не остались в стороне от погромов. Некоторые нижегородцы из слухов и газет знали о происходящем. И кое-кто, видимо, подумывал: вот бы и нам с местными разобраться! Осталось лишь повод найти...

Вечер 7 июня 1884 года в Канавине, где находилась знаменитая Нижегородская ярмарка, был ничем не примечательным. И так бы, вероятно, он и завершился – мирно и буднично, если

бы прямо посреди слободы, среди убогих развалюх и лачуг, населенных портовой и ярмарочной беднотой, среди разгуливающих ломовиков, только что пропивших всю очередную копеечную получку, вдруг не раздался дикий вопль. Неистово орала, как оказалось, некая Федосья Рогожина. Причиной «тревоги» был увиденный ею факт, как две еврейские девочки несли куда-то ее полуторагодовалую дочь. Казалось бы, ну несли – и несли! Может быть, никто и не придавал бы этому факту большого значения, если бы «несли» ребенка не евреи. Ибо про последних в русском народе ходили самые невообразимые слухи. Иудеев, кроме всего прочего, нередко обвиняли и в поедании детишек. «Жрать понесли!» Именно такой слух распространился среди канавинских обывателей со скоростью ветра. И столь же мгновенно послужил спусковым крючком для начала погрома.

Вскоре к небольшому еврейскому кварталу стала стекаться разъяренная толпа. Первым делом погромщики атаковали иудейскую молельню. Присутствовавшие при этом полицейские ввиду своей малочисленности не стали оказывать народу активного сопротивления, ограничившись лишь «уверениями». Буйствующая толпа, быстро разросшаяся до нескольких тысяч человек, сломала ворота, вышибла оконные рамы, а затем стала крушить все подряд на своем пути. Ворвавшиеся внутрь молельни ломали вещи, потом выкидывали их на улицу, где те окончательно «добивались» и разграблялись. Вскоре бесчинствующие добрались до «святая святых» – «еврейских сундуков». Оные выносили на улицу и тут же делили добро «по справедливости». Вот оно, мол, нажитое на нас богатство! Здесь же, в молельне, были зверски растерзаны первые пять лиц еврейской национальности. Причем погромщики еще и сорвали с них всю одежду, изорвав ее в клочья. Разрушив молельню и уничтожив все в ней находящееся, толпа с криками «Ура!» и «Бей!» направилась к конторе Дейцельмана. Сам хозяин был жестоко избит, а встретившийся по дороге Азер Аркин забит до смерти. Затем бойня переместилась на соседние еврейские дома.

Когда стемнело, на место прибыл лично нижегородский губернатор Николай Баранов. *«Отсутствие луны и освещения в заречной части делало ночь особенно темною, – писал он потом в своем рапорте государю. – Все улицы еврейского квартала были затоплены бушующей толпой, простиравшейся, вероятно, до шести тысяч человек. Первое сборище я застал у разрушенной ужре еврейской молельни, около которой было несколько изуродованных трупов и один еще живой избитый еврей, которого доколачивала толпа»*. По приказу губернатора в Канавино были направлены войска, а речная полиция получила приказ временно прекратить сообщение через Оку, дабы беспорядки не перекинулись на сам Нижний Новгород, расположенный на высоком правом берегу. Только благодаря этому, по словам Баранова, *«толпы рабочих, ночевавших в Нижнем, до утра не знали о буйстве, происходившем в Канавине, и, вероятно, благодаря лишь этому в городских еврейских кварталах все оставалось в совершенном покое»*.

Погромы в Канавине продолжались до 01:30 8 июня. Только после этого стражам порядка удалось навести порядок и заняться осмотром места происшествия. Которое представляло собой весьма печальное зрелище. *«Картина была поистине ужасна, – сообщалось в рапорте Баранова. – Все ценное было похищено, все, что могла сломать грубая сила бушевавшего народа, было разрушено, рамы, дверные, оконные косяки, половицы, печи, части крыши – все было исковеркано. Обломки были перемешаны с окровавленными клочьями одежды, и самые части трупов валялись во дворах и на улицах. Между прочим, были подняты две череповые кости, человеческий глаз и отдельно валявшийся головной мозг»*. В разграбленных домах украдено было все, что только было возможно унести. Не только деньги и ценные вещи, но даже тарелки с ложками. «Повстанцы» оторвали все ненавистные еврейские дверные ручки и даже вытащили выюшки из их печей.

Весть о еврейском погроме в Канавине быстро распространилась по губернии, в связи с чем некоторые воодушевленные граждане попытались организовать подобные мероприятия в Балахне и Арзамасе. Однако эти акции были пресечены властями.

Любопытно, что сам Александр III как-то сказал генерал-губернатору Гурко: *«Сердце мое радуется, когда бьют евреев, но позволять этого ни в коем случае не следует»*. Посему нижегородские националисты и экстремисты все-таки пошли под суд. Всего по делу было задержано 112 человек. Кстати, сразу после арестов губернатор Баранов стал получать «подметные письма» и «устные просьбы» от общественности, которая требовала немедленного освобождения задержанных. В частности, говорилось, что «нельзя наказывать православных за жидов», а произошедшее являлось никоим образом не бунтом, а «просто народ потешился». Однако закон, как говорится, есть закон.

В начале октября состоялся суд. Он проходил в закрытом режиме, дабы лишний раз не будоражить общественность. 10 человек, обвиняемых в «умышленном убийстве через истязания», и еще троих, признанных виновными в покушении на разбой и нападении на дом, приговорили к каторжным работам на срок от 7 до 20 лет. Еще 20 человек, обвинявшихся по менее тяжким статьям, были направлены в арестантские роты. Что касается самих евреев, то после погрома половина из них в панике бежала из Нижнего Новгорода...

И эти события, увы, были лишь предвестником грядущих бедствий России.

Иешуа-бумеранг

В 1902 году в рабочей слободе Сормово, что на берегу Волги, состоялась первомайская демонстрация – одна из первых в России. 5000 рабочих завода в знак протеста против тяжелых условий труда, несправедливой оплаты, снижения расценок за сдельную работу и против штрафов, налагаемых заводской администрацией, объявили забастовку. Затем часть из них вышла на Большую улицу (ныне Коминтерна) и двинулась маршем, выкрикивая всевозможные лозунги, в том числе и политические. Ошарашенные полицейские с ужасом услышали такие крамольные призывы, как «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!». Стражи порядка потребовали, чтобы рабочие расходились. Однако те лишь плюнули в их сторону и продолжили шествие, с революционными песнями и криками «Долой царя!», «Долой самодержавие!».

На зрителей-сормовичей все это произвело неизгладимое впечатление: никогда доселе на этой земле не звучали столь смелые призывы и заявления. Однако правоохранные органы вскоре пришли в себя, вызвав подкрепление, ближе к вечеру разогнали демонстрантов. Десятки людей были арестованы. Их грузили на специальные полицейские телеги (воронков и автозаксов тогда еще не было) и под конвоем увозили в Нижний Новгород. Среди задержанных оказался и 17-летний юноша Ешуа Свердлов.

Это был типичный выходец из нижегородского еврейского ремесленничества. Отец Ешуа – Михаил Израилевич Свердлов – был гравером, его мастерская на Большой Покровской сохранилась по сей день. Жизнь евреев, как известно, была полна тягот и лишений. В царской России это были люди второго сорта, которые не могли селиться в определенных местах, получать образование и заниматься некоторыми видами деятельности. К тому же евреи периодически подвергались издевательствам и погромам, которые, впрочем, устраивала по большей части люмпенизированная публика. Многие жители относились к евреям хорошо, уважая их за образованность, интеллигентность и таланты в различных ремеслах.

Ешуа Свердлов родился в 1885-м, всего через год после описанного выше крупного еврейского погрома в Канавине. Несколько лет после этого события нижегородские иудеи попросту боялись перебираться через Оку на ярмарку. А бежавшие оттуда старались селиться поближе друг к другу и к центру, где было больше полиции и не так страшно выходить по вечерам на улицы. В этих условиях было неудивительно, что многие большевики оказались выходцами именно из еврейской среды. Ведь марксизм олицетворял не только и не столько борьбу за права рабочих, сколько вообще стремление к новой жизни, равенству и братству, в том числе между народами.

Свердлов, который уже в подростковом возрасте стал представляться более благозвучным именем Яков, рано остался без матери. Отец же постоянно работал, дабы прокормить большую семью. Поэтому юноша жил относительно свободно, уже во время учебы в гимназии познакомился с нижегородскими марксистами и увлекся их пропагандой. По окончании пяти классов Свердлов поступил учеником к аптекарю в том самом зловещем Канавине. Именно здесь молодой еврей познакомился с рабочими, а в 1901 году вступил в нижегородскую ячейку РСДРП. Как раз нищие пролетарии, работяги с заводов не случайно были выбраны социал-демократами в качестве наиболее благоприятной среды для распространения революционных идей. В отличие от ярмарочно-канавинских люмпенов, которые по большей части зарабатывали непосильным трудом на очередную бутылку водки, а потом шли бить морды прохожим, на заводах работали мужики-кормильцы, на которых лежала непосильная ноша по содержанию многодетных семей. К тому же заводской труд требовал гораздо больше культуры и интеллекта, чем работа грузчиков и ломовиков в порту. Закономерно, что именно рабочие первыми пошли на демонстрации, а потом и на баррикады.

Первый арест для начинающих революционеров был своего рода экзаменом, «квалификационным раундом», во время которого отсеивались «примазавшиеся» и «временно примкнувшие», а оставались только по-настоящему идейные. Условия в царских тюрьмах и ссылках были, конечно, не концлагерные и не гулаговские, но все же далеко не курортные. Граждане, примкнувшие к бунтовщикам и митингующим просто в порыве эмоций или моды ради, там быстро ломались и после освобождения в революционные дела больше не совались. Других же царская тюрьма, напротив, закаляла и подвигала на новую борьбу. Не случайно у большевиков количество арестов, ссылок и отсидок всегда являлось предметом особой гордости. Эдаким подтверждением, что я, дескать, настоящий, идейный революционер.

Таким оказался и молодой Яков Свердлов. Отсидев положенные полгода в тюремном замке на Острожной площади, которая в советские времена была переименована в площадь Свободы, он разом превращается из революционера-любителя в революционера-профессионала. После раскола РСДРП на меньшевиков и большевиков Свердлов, будучи максималистом по характеру, не задумываясь переходит на сторону последних и даже становится организатором большевистской группы в Нижнем Новгороде. *«Революция и еще раз революция! – думал он. – Начинать надо с малого. Создавать всё новые и новые ячейки, вовлекая в них больше и больше людей. С тем чтобы в нужный момент вся страна запылала красным пламенем»*. Быстро став выдающимся организатором и агитатором, Свердлов вел работу по всему Среднему Поволжью: в Нижнем Новгороде, Костроме, Казани и Саратове. В результате за короткое время возникла огромная сеть кружков, была отлажена целая система копирования и распространения нелегальной литературы. Лидеры большевиков высоко оценили таланты Свердлова и в 1905 году отправили его в командировку на уральские заводы.

Заметили неутомимого и вездесущего еврея-пропагандиста и правоохранные органы. Посему дальше пошла непрерывная череда арестов и ссылок. В июне 1906-го Свердлов получает 2,5 года крепости. Затем после месяца на свободе он отправляется уже в ссылку в Нарымский край. При царе была настоящая мода отсылать пламенных борцов куда подальше. Пусть поживет в глуши, подумает, может, одумается... Да и рабочих там нет, агитировать особо некого. Однако большевики были не из тех, кого сломят суровый климат и невзгоды. В июне 1910 года Свердлов убежал в Петербург, где через несколько месяцев был пойман на демонстрации, после чего отправлен уже в самое отдаленное место Нарымского края – село Максимкин Яр (туда раз в год приходил пароход и дважды в год – почта). Но он снова не сдался и совершил пять подряд неудачных побегов. Причем каждый из них был сопряжен с невероятными лишениями: порой Свердлову приходилось неделями скитаться по тайге, питаясь ягодами и другим подножным кормом. После последнего побега уже тяжелобольного Якова опять привозят в Нарым. Но, немного отлежавшись, осенью 1912 года он снова бежит. На сей раз в лодке-душегубке, в которой едва не тонет во время шторма. С трудом попав на пароход и проехав верст сто, Свердлов опять попадает в лапы полиции и возвращается в место ссылки. И через неделю новый побег! Таким количеством не мог похвастаться ни один кадровый большевик. И это при том, что Свердлов, мягко говоря, не отличался богатырским здоровьем! Но фанатичное стремление к борьбе и ненависть к режиму снова и снова гнали его прочь.

Только в конце 1912 года Якову удастся еще раз добраться до Петербурга, однако вскоре, после доноса провокатора, его опять высылают – на этот раз, как злостного рецидивиста, в суровый Туруханский край, туда же, где жил ссыльный Иосиф Джугашвили. Там Свердлову пришлось провести без малого четыре долгих года.

Переломным этапом в деятельности большевиков стала Первая мировая война. Полиции стало попросту не до них, контроль за оппозицией вскоре ослаб. А Свердлов и большинство его коллег с воодушевлением встали, как они сами говорили, «на пораженческую точку зрения». И это понятно. Николай II ввязывался в войну, надеясь сплотить разболтавшуюся и разобщившуюся всякой «крамолой» нацию (стандартный такой приемчик) на почве «патриотизма». А

получилось все с точностью до наоборот. Прогнивший режим начал трещать по швам, а большевики только и жаждали его поражения, чтобы нанести решающий удар. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло.

Во время войны снова сбежавший из ссылки Свердлов, теперь уже не просто закаленный, а поистине стальной революционер, проделал невероятный объем работы по подготовке к революции. Обладая феноменальной памятью, он играл роль своего рода «главного сервера» партии. В его голове имелась подробнейшая информация обо всех партийных кадрах, их «косяках» и заслугах, слабостях и достоинствах. Благодаря чему каждый использовался точно и полно в меру своих способностей и возможностей. За это Свердлов и получил от Ленина характеристику «богатейшая памятная книжка партии». Вождь постоянно обращался к нему за советом, и аналитический мозг Свердлова практически всегда выдавал безошибочные комбинации действий на все случаи жизни.

Не случайно после Октября 1917-го 32-летний Яков становится председателем ВЦИК и секретарем ЦК ВКП(б). Фактически это был второй человек в новом государстве после самого Ленина. Он руководил съездами Советов, ежедневно лично принимал сотни людей и еще выезжал на места, проводя митинги среди рабочих.

«Через нелегальные кружки, через революционную подпольную работу, через нелегальную партию Свердлов пришел к посту первого человека в первой социалистической республике», – писал о нем вождь мирового пролетариата Владимир Ленин. *«Свердлов обладал исключительной памятью, он прекрасно помнил всех людей, с которыми встречался, великолепно знал их, чем они полезны и вредны партии»,* – говорил в 1934 году Иосиф Сталин. Горьковская газета «Ленинская смена» в статье «Памяти Я.М. Свердлова», опубликованной к 15-летию смерти революционера, называла его не иначе как «одним из крупнейших строителей партии и советской власти», а также «выдающимся организатором и лучшим агитатором-пропагандистом среди большевиков». И все это не было ни малейшим преувеличением.

По мнению многих исследователей, именно Свердлов являлся инициатором ключевых решений о начале красного террора и массового истребления кубанских казаков, а также о расстреле всей царской семьи.

Вот тогда запущенный Александром III еврейский бумеранг вернулся. Спустя 34 года после произошедшего при попустительстве и с молчаливого одобрения властей рядового еврейского погрома еврей, родившийся через год после жестокой расправы и проведенный детство в страхе, отдал приказ о казни последнего российского императора.

Да, среди сотен людей, которые в конце XIX – начале XX века объявили целью своей жизни свержение ненавистного самодержавия и создание нового общества, было много евреев. Но было среди революционеров так же много и грузин, азербайджанцев, украинцев, поляков, мордвинов и конечно же русских. И модное нынче утверждение, что революцию сделали евреи или же евреи стояли в ее авангарде (намекал на это даже великий Александр Исаевич), конечно же неверно по своей сути. Революцию делали революционеры, а у революционера, как говорил Ленин, нет национальности! А вот становились революционерами или же присоединялись к ним и помогали по разным причинам. Загнав евреев, талантливый и активный по природе своей народ, в положение людей даже не второго, а третьего сорта, превратив их в «громометод», на котором периодически разряжали свою ненависть к жестокой действительности люмпены и хулиганы, царизм сам создал питательную среду для бесконечного числа бомбистов, демонстрантов, конспираторов и пропагандистов. Из которой по злой иронии судьбы и выросли палачи последней царской семьи.

Но вовсе не евреи были причиной катастрофы, постигшей самую большую страну в мире!

Глава 1

Алая заря

«Бессмысленные мечтания»

Любая смена власти порождает в народе надежды на перемены. В России, где каждого царя приходилось терпеть по 20–30 лет, что было равно тогдашней средней жизни целого поколения людей, эти надежды были тем более сильны. Перемен желали все, хотя все по-разному. Крестьяне мечтали о решении земельного вопроса и снижении финансовых тягот, рабочие о сокращении рабочего дня и справедливых условиях труда, купцы о снижении пошлин и административных барьеров в торговле. Крупный бизнес и землевладельцы, городские и столичные элиты желали получить свою долю участия в государственном управлении. Интеллигенция же, как наиболее образованная и культурная часть общества, мечтала о серьезных политических реформах, а если говорить точнее, о ликвидации самодержавия. Так сложилось, что в России почти каждый мало-мальски образованный человек чуть ли не автоматически становился врагом самодержавия. Любой писатель мог рассчитывать на популярность и «власть над думами» только в том случае, если он хотя бы намеками высмеивал царскую власть. Минимум, на что рассчитывала просвещенная часть общества, – это конституционная монархия.

Если бы власть добровольно пошла на уступки, как это было в начале правления Александра II, то большая часть общества, вероятно, восприняла бы это с воодушевлением. И царь получил бы своеобразный карт-бланш хотя бы на десять лет вперед. Ну а революционерам и бунтовщикам пришлось бы немного обождать, прежде чем радикальные идеи снова приобрели бы популярность и сочувствие, как это было в конце правления Александра II.

Однако Николай II не был бы Николаем II, если бы сразу, как говорится, с порога не развеял эти надежды! В своей известной речи 17 января 1895 года к земским депутатам он недвусмысленно заявил: *«Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земств в делах внутреннего управления; пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный, незабвенный Родитель»*⁴.

«Лучшего» заявления нельзя было и придумать! Интеллигенция и образованная часть общества восприняла его как вызов себе и даже оскорбление. Элитам стало ясно, что любые послабления и изменения придется снова, как и в былые времена, вырывать с боем и интригами. По-хорошему снова не получится! Ну а больше всех радовались революционеры. Раз реформ не будет, значит, социальная напряженность и недовольство будут по-прежнему расти, а это раздолье для агитации и пропаганды. Будем и дальше разворачивать народ в нужное направление!

Уже в конце 1895 года возник социалистический Союз борьбы за освобождение рабочего класса, организованный Лениным (Ульяновым), Мартовым (Цедербаумом), Стекловым (Нахамкесом), Крупской, Елизаровым (мужем сестры Ульянова) и другими марксистами. Если народники основной движущей силой будущей революции считали крестьян, то новые социалисты поставили цель вести пропаганду среди рабочих. Правда, уже в декабре Ленин, недавно вернувшийся из-за границы, был арестован за составление прокламаций, в том числе издательской листовки по поводу рождения дочери царя Ольги. В тюрьме Ильич времени даром не

⁴ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 49.

терял, начав писать книгу «Развитие капитализма в России». Тогда, конечно, и во снах никто не мог подумать, что когда-нибудь это и другие произведения будут знать практически все жители страны!

Ну а особо умные люди, вроде министра финансов Сергея Витте, осознали, что по уровню интеллекта новый правитель явно не превосходит своего глупого и недалекого папашу. А возможно, даже уступает ему. *«С неопределенностью в душе, с тревогами, опасениями и надеждами встретило наше общество 1895 год, – писала газета «Русское богатство». – Первый же месяц нового года принес разрешение всех этих неопределенностей. Высочайшая речь 17 января... была этим историческим событием, положившим конец всяким неопределенностям и всем сомнениям... Царствование императора Николая Александровича начинается в виде прямого продолжения прошлого царствования».*

«Строй этот содержит идеал, – писал во французском журнале Revue politique et parlementaire известный консервативный публицист А.А. Башмаков. – Этот идеал, несмотря на многие противоречия и бесчисленные недочеты, – это представление о сильном, неограниченном царе, справедливом, как Бог, доступном каждому, не принадлежащем ни к какой партии, обуздывающем аппетиты сильных, высшем источнике власти, который судит и карает и исцеляет социальную несправедливость».

Однако Николай Александрович все же не был Александром Александровичем! Посему при всем желании не мог «прямо продолжить» прошлое царствование.

Первым ярким событием правления стала Ходынская катастрофа, когда сотни людей были затоптаны насмерть и задавлены во время раздачи дешевых подарков в честь коронации. Согласно официальным данным, погибло почти 1300 человек, в том числе множество женщин и детей. Уже на следующий день сообщение о катастрофе было опубликовано в печати, причем некоторые издания рассказали о всех, самых ужасающих подробностях. Событие вызвало огромный общественный резонанс. Одни увидели в нем «дурное предзнаменование», мол, печально, что правление царя началось с моря крови. Другие же, напротив, воспользовались случаем, чтобы заявить, что в жертвах виноват сам режим.

Впрочем, уже через пять дней после трагедии в столице произошло еще одно знаменательное событие, действительно ставшее предвестником грядущих потрясений. Все фабрики в Санкт-Петербурге в дни коронационных торжеств (14–16 мая) были закрыты. Однако жадные фабриканты не пожелали уплатить рабочим получку за все три дня, решив, что хватит с них и одного. Ради такого события могут и ужаться! Трудящиеся восприняли это как оскорбление, и 23 мая в управление Российской бумагопрядильной мануфактуры явилась депутация, требовавшая полной оплаты. Кроме того, рабочие потребовали еще и сокращения рабочего дня. Удивленное начальство согласилось на оплату, но ничего не ответило по поводу времени. Это и послужило поводом для первой крупной забастовки.

В течение недели все текстильные предприятия в столице прекратили работу, а число бастующих достигло 30 тысяч человек. Главным требованием рабочих было сокращение рабочего дня сразу на 2,5 часа. То есть с использовавшихся 13 часов до 10,5. Трудящихся можно было понять! Ведь при существовавших условиях жизнь их была практически невыносимой. Если вычесть из суток 13 часов на работу, час на путь от дома и обратно (если не больше), 8 часов на сон, то у людей оставалось на все про все всего полтора-два часа. Рабство фактически!

Во время забастовки полицией было изъято 25 различных листовок, изданных Союзом борьбы за освобождение рабочего класса. Причем часть тиража даже попала в Москву.

Эта акция не на шутку встревожила правительство. Пугающе для власти выглядело быстрое распространение забастовок и хорошая организованность. Именно тогда был сделан ошибочный вывод, что все дело в некоем «планомерном руководстве». Мол, какие-то злонамеренные смутьяны проникают в рабочую среду и подстрекают трудяг к бунтам. В данном случае, как это нередко делают и в нынешние времена, путают причину со следствием и, что называ-

ется, ставят телегу вперед лошади. Тяжелые и невыносимые условия труда были объективным фактом. Как и оскорбительный отказ от уплаты денег за коронационные выходные. Именно это и подвигло трудящихся на борьбу за свои права. Повозмущались, посовещались, выбрали старших и отправили к начальству. Потом решили бастовать. А уже потом к этому объективному процессу подключились «борцы за освобождение».

«Агитаторы выступили на сцену лишь тогда, когда стачки были уже свершившимся фактом», – писал по этому поводу «Вестник Европы». – Ключ к забастовкам следует искать в положении рабочих». Однако чиновники в первую очередь бросились именно на поиски «подстрекателей». По подозрению в нем осенью 1896 года было задержано около 1000 человек. Из правительственных кругов только Витте понимал истинные причины забастовочного движения. «Вы вряд ли можете себе представить правительство более благосклонное к промышленности, чем настоящее, – говорил он на совещании представителей текстильной промышленности. – Но вы ошибаетесь, господа, если воображаете, что это делается для вас, для того, чтобы облегчить вам наибольшую прибыль; правительство главным образом имеет в виду рабочих; этого вы, господа, кажется, не поняли, иначе последняя стачка бы не случилась. Доказательство этому, что стачка пощадила те заводы, которых владельцы сумели установить отношения между хозяевами и рабочими приличные и гуманные».

Однако уже осенью страну потрясли новые волнения. На сей раз восстали студенты.

Еще в начале 1895 года в Москве был арестован некий Союзный совет Союза землячеств, состоящий из студентов вузов, ставивший своей целью борьбу с реакцией. Однако через год «совет» возродился в новом составе, а 21 октября он принял постановление, гласящее, что «главной целью Союза землячеств должна быть подготовка борцов для политической деятельности» и организация протеста против усиливающейся реакции. *«Борясь против насилия и произвола университетского начальства, студенчество будет закаляться и воспитываться для политической борьбы с общегосударственным режимом»*, – говорилось в постановлении⁵.

Затем было выпущено воззвание, призывающее к устройству панихиды по погибшим на Ходынке, чтобы выразить протест против существующего порядка, допускавшего возможность подобных фактов. 18 ноября толпа из 500 студентов двинулась на Ваганьковское кладбище, однако входы были заблокированы полицией. Тогда молодежь пошла по улицам Москвы. За этим событием последовали сходки в Московском университете, во время которых 711 студентов было арестовано и исключено. Параллельно волнения произошли и в других вузах страны.

После подробного изучения положения рабочих и анкетирования особое совещание из пяти министров пришло к выводу, что *«рабочие не находятся в худшем материальном положении, чем крестьяне, и что нет поэтому основания для принятия чрезвычайных мер, которые бы вызвали новые государственные расходы»*⁶.

Правительство признало, что российские промышленники действительно имеют сверхприбыли и их доходы в процентах к обороту были значительно выше, чем в Западной Европе. Однако это, по мнению царя и правительства, вовсе не было поводом менять соотношение доходов в сторону бедных!

Дело в том, что эта сверхприбыль якобы была единственным источником для дальнейшего развития отсталой российской промышленности. Буржуи, они ж не на кутежи и шампанское эти деньги тратят! А на развитие производства. А улучшение положения рабочих неизбежно приведет к удорожанию производства и будет угрожать «интересам страны и ее будущего». К тому же и без того низкая конкурентоспособность отечественной промышленности против иностранной может пострадать. Одним словом, трудящиеся должны были потерпеть и попросту пожертвовать собой ради развития промышленности и будущего страны!

⁵ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 77.

⁶ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 89.

Это был в общем типичный для деспотических режимов подход. Под «интересами страны» понималось все что угодно: войны, прибыль буржуазии, конкурентоспособность промышленности, военные расходы и т. д. и т. п. Но только не жизнь конкретных людей.

И все же массовые протесты 1896 года не прошли даром. 2 июня 1897 года был принят закон об ограничении рабочего дня до 11,5 часа, как того и требовали забастовщики. Выполнение этих норм должна была контролировать специальная Фабричная инспекция.

Это событие продемонстрировало все недостатки запоздалого принятия решений, когда новые законы, облегчавшие жизнь людей, принимались не вследствие политической деятельности и борьбы элит за электорат, а в результате забастовок, революционной борьбы, бунтов и хулиганства. С одной стороны, власть как бы показывала, что идет на уступки народу, с другой – народ видел, что только такими способами из нее и можно эти самые уступки вытрясти.

«Медный наездник»

Конечно же определенную роль в нагнетании обстановки внесли СМИ. Китайский посол Ли Хунь Чан, присутствовавший на коронации царя, был удивлен тем фактом, что пресса опубликовала все подробности Ходынской катастрофы. *«Такие печальные вести не то что публиковать, но и государю докладывать не следовало»*, – заявил он Сергею Витте. Понятно, что для товарища из Поднебесной, где правителей до сих пор считали богами, подобная «демократия» выглядела чем-то невероятным. Но доля истины в этом заявлении присутствовала.

В былые времена писателей называли не иначе как «властителями дум». А вот в России конца XIX – начала XX века подлинными «властителями дум» стали газеты. К 1894 году, началу правления Николая II, в стране выходило около 850 периодических изданий, в том числе около 100 ежедневных газет⁷.

Конечно же полной свободы слова в стране ни до, ни после революции 1905 года не было. Журналистам разрешалось критиковать чиновников, министров, государственных деятелей, описывать суровые будни действительности. Но запрещалось покушаться на самое «святое» – самодержавие. Царь в глазах общественности должен был выглядеть хорошим и умным, а вот остальных подданных можно было прикладывать по первое число! И с точки зрения авторитета царизма этот расклад казался выгодным. Мол, все кругом дураки и бездари, один государь всё знает и всё понимает. И только благодаря ему в стране всё стабильно. Ну а проблемы, разумеется, существуют только потому, что ему – государю – о них неизвестно! Не докладывают же, мерзавцы!

Однако эта «выгода» была обоюдоострой. Получив возможность открыто критиковать власть (пусть и выводя за скобки ее главного представителя) и действительность, журналисты и активные граждане воспользовались этим на всю катушку. Постепенно вскрывая самые застарелые гнойники и показывая вопиющие язвы общества, газетные писатели подтачивали и размывали вековые устои, а также авторитет власти. До поры до времени большая часть населения действительно верила, что царь хороший, а чиновники плохие. Но, в конце концов, у многих мог возникнуть вопрос, а кто, собственно, назначил всех этих глупых министров и губернаторов?! И если слуги царя такие тупые и бестолковые, то действительно ли умен тот, кому они служат?

Влияние СМИ постепенно возрастало со дня кончины Александра III, когда цензура в стране резко ослабла. Объяснялось это вовсе не «добротой» и «либерализмом» его сына, как это принято считать, а банальным разгильдяйством и глупостью дворцовой элиты. Долгое время власти смотрели на уколы журналистов как на «дурачество» и мелкое озорство. Да и вообще, кто там читает эти газетенки? Большая часть народа только в церкви ходит и грамотой не владеет! А в деревнях про эти бумажки и вовсе не знают...

В результате число всероссийских и местных изданий разного толка росло от года к году, и газеты постепенно стали непременным атрибутом жизни. Именно в редакции, а вовсе не в городские думы и приемные губернаторов люди шли со своими проблемами, невзгодами и обидами. Через газеты даже пытались найти работу, вылечить от недугов и возвращать загулявших мужей!

«Больные женичины, покинутые мужьями и обязательно с кучею детей, чахоточные, ревматики, паралитики прерывают редакционную работу своими просьбами напечатать о них, – сетовала одна газета. – Странно, что особенно много встречается покинутых мужьями.

– Уж второй месяц пропал, – говорит о муже какая-то баба. – А у меня дети, кто же кормить их будет?»

⁷ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 25.

– Да куда же он пропал?

– Не знаю и куда. Пил-пил, месяц и два, а потом совсем пропал, уж второй месяц идет.

– Какая же от него польза была, если он пил?

– Ну, все-таки муж».

А когда позднее элита наконец поняла всю угрозу, которую таят в себе «распоясавшиеся» журналисты и «расплодившиеся» «желтые газетенки», было уже поздно. Газетный джинн был выпущен из бутылки, и запихивать его обратно было уже поздно.

Характерный случай имел место в 1899 году. Тогда российские власти впервые всерьез вспомнили о Пушкине. Как это у нас принято, поводом для любви к поэзии стала приближавшаяся круглая дата – 100-летие со дня рождения писателя. Власти на местах получили царские указания провести всевозможные мероприятия по увековечиванию памяти Пушкина и популяризации его творчества.

Нижегородские депутаты, бизнесмены и чиновники рьяно взялись за выполнение задачи. Как-никак, и Болдино – вотчина поэта – под боком, да и в губернском центре тот однажды бывал. Однако вскоре выяснилось, что, по поводу и без повода восхваляя Пушкина, сами чиновники, а также представители «культурной элиты» города с его творчеством оказались знакомы весьма поверхностно, а то и не знакомы вовсе. Интернета и «Википедии» ведь в распоряжении господ не было, чтобы на скорую руку заполнить пробелы в знаниях. В результате газета «Нижегородский листок» даже открыла постоянную рубрику «Курьезы пушкинских торжеств», в которых приводились смешные цитаты и примеры.

Так, член городской управы некто К.И. Михайловский, выступая перед купцами, прочитал «наизусть» несколько стихов Пушкина с откровенной отсебятиной и собственными «вставками». А глава биржевого комитета Прозоров на встрече с волгярами зачитал отрывок, как он изволил выразиться, из «Медного наездника» и вместо слов *«На берегу пустынных волн стоял он, дум великих полн»* пламенно сказал: *«На берегах пустынных вод стоял в великих мыслях он»*... В наспех изданном за счет гордумы юбилейном альбоме «Пушкин» одни только названия произведений вызывали смех и недоумение: «Араб Петра Великого», «Станционный служитель», «Капитанова дочка», «Цыгане» и т. п.

Кстати, скандалы с искажением текстов Пушкина бывали и раньше. Оказывается, еще в 1880-х годах в этом обвиняли автора оперы «Евгений Онегин» композитора Петра Чайковского. Последний, по мнению критиков, «решился обезобразить текст поэта своими заплатками и вставками».

В общем, журналистам было над чем посмеяться и за что покритиковать власти и известных лиц города! Последние, понятное дело, нередко обижались на четвертую власть и шли в суд! Что ни говори, а после реформ 1860-х годов в России уже было некое подобие правового государства.

«Третьего дня в окружном суде под председательством А.П. Гудим-Левковича, при членах А.Э. Климатовиче и Н.Г. Шалыгине, слушалось без участия присяжных дело по обвинению редактора-издателя «Нижегородского листка» Г.Н. Казачкова в клевете в печати против члена Нижегородской городской управы И.А. Белова», – сообщала пресса. Речь шла о весьма известной в Нижнем Новгороде личности. Белов несколько сроков подряд входил в управу – в те времена являвшуюся исполнительным органом гордумы. А с 15 марта 1890 года он заведовал городским вывозным парком. Эта должность примерно соответствовала посту современного начальника департамента транспорта и связи. Только вывозной парк занимался больше не обслуживанием пассажиров, а перевозкой нечистот, казенных грузов, покойников и т. п. В общем, объединял все муниципальные коннотранспортные конторы. Именно на этой должности Белов попал во внимание прессы, в первую очередь «Нижегородского листка», благодаря которой заработал себе репутацию бездаря, жулика и «темной личности».

Это конечно же не было случайностью. Когда в 1896 году в газете полностью сменилась редакция, издание взяло курс на вскрытие всех язв нижегородского общества, борьбу с коррупцией и предоставление слова на страницах непосредственно народу. Начавшиеся вскоре скандальные журналистские расследования и разоблачения быстро подняли рейтинг «Листка» в Нижнем Новгороде и создали обширный круг сочувствующих ему лиц, а публикации о бездарных и ворующих чиновниках, жадных купцах и прочих «врагах народа» цитировали вслух на улицах, в трамваях и кабаках. Без малого три года почти в каждом номере газеты печатались фельетоны и разоблачительные статьи про начальника вывозного парка Белова. А его письма в редакцию, призванные ответить на упреки, подвергались на страницах еще большему осмеянию. В итоге разъяренный чиновник подал на «Листок» в суд. Процесс имел большой резонанс и привлек к себе широкое общественное внимание.

Слушание началось с пламенной речи представителя истца, частного обвинителя, помощника присяжного поверенного А.Н. Полидорова: *«Господа судьи! Сила печати велика, и чем большим сочувствием пользуется известный орган, тем тяжелее наносимые им удары. Редакция «Нижегородского листка» нарушила все нравственные требования и вместо разработки вопросов общественной жизни перешла в резкую критику и преследование отдельных лиц, главным образом принадлежащих к составу городского общественного управления. Этому преследованию подвергся, между другими, и г-н Белов. До появления имени Белова в печати он был самым обыкновенным общественным деятелем, членом управы, работал как умел, честное имя его не было ничем опорочено. Теперь не осталось ни одного угла в районе распространения «Нижегородского листка», где не было бы не знакомо имя Белова; имя его стало синонимом человека, руководствующегося в своей общественной деятельности низкими побуждениями. Честное имя его было вытравлено, выжжено без всякой с его стороны вины... Много, очень много писали о Белове, имя Белова склонялось и спрягалось на все лады как имя низкого человека, служило темой для всевозможных рассуждений в этом духе. Рассуждения эти помещались не там, где обыкновенно помещаются всякого рода газетные сведения, а в статьях редакционных, которые пишутся со знанием цели и необходимости. Это была сатира продуманная, выпущенная со злым размышлением, посягавшая на честь человека!»*

Но переполненный зал заседания в ответ на высокопарные рассуждения о морали только расхохотался. Несмотря на постоянные замечания председательствующего, все утверждения о «честности» и «порядочности» начальника вывозного парка сопровождалось громкими возгласами и улюлюканьем. Многочасовое заседание длилось с перерывом в течение двух дней. Обвинитель, периодически вытирая потный лоб, бесконечно перебирал свою толстую, ошестинившуюся многочисленными закладками подшивку «Нижегородского листка» и неустанно зачитывал примеры «позорных» статей о Белове.

«Редакция «Нижегородского листка» нарушила все нравственные требования и вместо разработки вопросов общественной жизни перешла в резкую критику и преследование отдельных лиц, главным образом принадлежащих к составу городского общественного управления... Честное имя было вытравлено, выжжено без всякой с его стороны вины... Рассуждения эти помещались не там, где обыкновенно помещаются всякого рода газетные сведения, а в статьях редакционных, которые пишутся со знанием цели и необходимости. Это была сатира продуманная, выпущенная со злым размышлением, посягавшая на честь человека!» – такие обвинения выдвигались против распоясавшейся либеральной прессы.

Однако, как это нередко и сейчас бывает в подобных делах, доказать собственно клевету, в которой обвинялся редактор издания, так и не удалось. А «сатира со злым размышлением» и «вытравливание честного имени» даже по весьма отсталым царским законам состав преступления не образовывали. Казачков был оправдан, а скандальные публикации про Белова продолжались. В итоге тот вынужден был попросту подать в отставку.

«Местное общество содействовало беспорядкам»

Впрочем, преувеличивать роль СМИ и приписывать им какое-то решающее значение в «возбуждении общественного мнения» и обострении ситуации тоже не стоит. Нередко беспорядки и забастовки разрастались и обходились без освещения в прессе. Типичный тому пример – очередные студенческие волнения, начавшиеся в 1899 году, спустя три года после прежних событий в Москве.

Студенческая среда в дореволюционной России была одним из основных рассадников революционных настроений.

«По своему составу русское студенчество было всегда гораздо «демократичнее», нежели в демократиях Западной Европы, – писал Ольденбург. – В университеты поступали тысячами представители несостоятельных кругов. Государство широко этому содействовало. Так, произведенное в 1899–1900 гг. обследование материального положения студенчества Московского университета, наиболее многолюдного и едва ли беднейшего по составу слушателей, показало, что на 4000 студентов здесь было около 2000 немущих, которые освобождены от платы за учение, а около 1000 человек из них кроме того получает стипендию различного размера, всего в год на это тратилось около миллиона рублей.

В других университетах картина была примерно та же. Такой состав студенчества, с преобладанием «интеллигентного пролетариата» (а то и полунинтеллигентного) отличался природной склонностью к радикальным течениям, и никакие внешние меры, вроде свидетельства о благонадежности или строгого надзора со стороны полиции, не изменили этого основного факта. Отсутствие легальных студенческих организаций только оставляло свободную почву для нелегальных, а развитое в учащейся молодежи естественное чувство товарищества создавало значительные затруднения для власти при борьбе с революционными элементами в университетах»⁸.

8 февраля 1899 года в Санкт-Петербургском университете происходил торжественный акт, посвященный 80-летию учреждения. Ректор В.И. Сергеевич вывесил накануне объявление, в котором указал, что в былые годы после акта учащиеся учиняли беспорядки, врывались группами в рестораны, в театры и т. д., нередко в пьяном виде. Ректор писал, что такие поступки недопустимы и будут пресекаться полицией.

Дело в том, что в университете существовала уже устоявшаяся традиция в день основания вуза – 8 февраля – проводить шествия по Невскому проспекту с пением песен, которые, как правило, заканчивались столкновениями с полицией.

Студенты, понятное дело, восприняли это «воззвание» оскорбительным и провокационным. Во время акта учащиеся попросту освистали ректора, а потом покинули здание, отправившись на стихийную демонстрацию. Полиция преградила толпе путь к Биржевому и Дворцовому мосту, а также заблаговременно разрушила ледовые переправы через Неву, вследствие чего вся масса из сотен орущих студентов направилась по набережной к Николаевскому мосту. Когда на пути встретилась конная полиция, студенты забросали ее снежками, попав в лицо одному из офицеров. Тогда конники пошли в атаку и попросту разогнали толпу нагайками...

Это событие стало поводом для восстания. После сходки студенты заявили о прекращении занятий и выдвинули требования, в том числе о гарантии физической неприкосновенности. 11 февраля в университете началась «обструкция» на лекциях некоторых профессоров, учащиеся попросту освистывали преподавателей и срывали занятия. А на следующий день забастовали еще шесть столичных вузов, в том числе Военно-медицинская академия, Горный,

⁸ Ольденбург С.С. Указ. соч. С. 143.

Лесной, Электротехнический институты и Академия художеств. Был сформирован организационный комитет для руководства забастовкой.

15 февраля прекратились занятия во всех московских вузах, через два дня забастовка охватила Киев и Харьков. Фактически бунтовало все высшее образование! И это при том, что в газетах о забастовке ни говорилось ни слова, власти запретили публиковать информацию о ней. *«Юристы I курса: объявлена забастовка*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.